

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОЙ «АНТОЛОГИИ РУССКИХ ПОЭТОВ»

Публикация Т. Г. Д и н е с м а н

Одной из весьма существенных сторон многогранной деятельности Брюсова является роль посредника между западноевропейской и русской культурой — роль, которую он взял на себя с самого начала своего творческого пути. Широко известно, сколько сделал он в этой области как переводчик, издатель, редактор журнала и критик, последовательно знакомивший Россию с современной литературой Запада. Вместе с тем, другая сторона этой деятельности — постоянное стремление Брюсова ввести западноевропейского читателя в курс литературной жизни России — очень мало изучена, и многое здесь, по-видимому, пока еще неизвестно. Так, например, за пределами внимания исследователей до сих пор оставался факт участия Брюсова в подготовке французской «Антологии русских поэтов» Жана Шюзевиля (Jean Chuzeville. *Anthologie des Poètes russes*. Paris, 1914) и, в частности, предисловие Брюсова к ней, хотя на существование этой работы он сам указывал (*РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 8).

Поэт, критик и переводчик, Жан Шюzeвиль много занимался русской литературой; помимо указанной «Антологии», он выпустил в своем переводе сборник русских народных сказок, стихотворения и повести Пушкина, ему принадлежит перевод сборника рассказов Брюсова «Земная ось» («*Axe terrestre*». Paris, 1914). В 1913—1914 гг. Шюzeвиль вел обзоры русской литературы в парижском журнале «*Mercury de France*».

Обстоятельства знакомства его с Брюсовым неизвестны. По-видимому, оно состоялось в 1908 или 1909 г., в один из приездов Брюсова в Париж. Во всяком случае, к 1910 г. они уже были знакомы, — об этом свидетельствует дарственная надпись Шюzeвиля на экземпляре сборника его стихов «Пыльная дорога» («*La Route poudroyée*». Paris, 1910), сохранившемся в библиотеке Брюсова (ГБЛ, ф. 386).

Осенью 1912 г. Шюzeвиль приезжал в Россию, побывал в Петербурге и в Москве, встречался с Брюсовым. С этих пор между ними установилась оживленная переписка. Получив приглашение вести русский отдел в «*Mercury de France*», Шюzeвиль незамедлительно обратился к Брюсову за помощью и более года систематически получал от него информацию о событиях русской литературной жизни, а также книги, необходимые для работы (см. письма Шюzeвиля Брюсову за 1912—1914 гг. — ГБЛ, ф. 386.109.28).

«Антология» Шюzeвиля вышла в свет в декабре 1913 г. (см. там же, л. 9). Состав ее не вполне отвечает названию — правильнее было бы назвать книгу «антологией русского символизма», поскольку она посвящена исключительно поэзии символистов, а также молодым поэтам, истоки творчества которых так или иначе связаны с символизмом. В ее состав входят стихи Вл. Соловьева, Мережковского, Минского, З. Гиппиус, Сологуба, Бальмонта, Брюсова, Белого, Блока, Вяч. Иванова, Анненского, Кузмина, Волошина, Гумилева, А. Толстого.

Брюсов считал эту книгу немаловажным фактом в литературной жизни Франции и России, и не только потому, что это была первая попытка познакомить французских читателей с современной русской лирикой, на что он указывает в своем незавершенном отзыве об «Антологии» (ГБЛ, ф. 386.47.18-б, л. 7). Брюсов высоко оценил переводы Шюzeвиля, которые «прекрасно передают русские ритмы», а это, отмечает он, «весьма ново для французской литературы, в которой чужеземные стихи обычно передаются прозой или перекалываются «en vers français», без всякого соответствия с размерами подлинника» (там же). Шюzeвиль первый сумел использовать те новые возможности, которые открывал переводчику преобразованный символистами французский

стих и на которые уже давно указал Брюсов, утверждая, что «только современный французский стих получил, наконец, способность передать музыкальную сторону русской поэзии» («Весь», 1904, № 1, стр. 73).

Предисловие Брюсова было написано в 1911 г., т. е. более чем за два года до выхода «Антологии». Это позволяет предположить, что работа Шюзевиля шла в соответствии с намеченным в этом предисловии планом. Во всяком случае, сопоставление состава сборника не только с предисловием, но и со статьями Брюсова о современной поэзии, которые в 1909—1912 гг. печатались в «Русской мысли» и затем вошли в сборник «Далекие и близкие», дает все основания считать, что взгляды Брюсова послужили для Шюзевиля ориентиром в его работе. Об этом убедительно говорят два обстоятельства: с одной стороны, творчество всех поэтов старшего поколения, чьи стихи вошли в «Антологию», получило в этих статьях Брюсова высокую оценку с точки зрения вклада каждого из них в развитие русской поэзии; с другой стороны, из множества молодых поэтов, активно заявивших о себе на рубеже 1910-х годов, в книгу включены лишь те, кого Брюсов отметил как «почти сложившихся мастеров» или «уверенно идущих к полному мастерству», тогда как ни один из поэтов, заслуживших отрицательную или хотя бы сдержанную его оценку, в сборник не вошел.

Состав и композиция «Антологии» перекликаются с одним неосуществленным замыслом Брюсова: уже в 1906 г. он считал своевременным «подвести итоги» движению символизма, «выяснить, что оно дало, отделить истинно ценное в творчестве его адептов от случайного и уродливо лишнего» (ГБЛ, ф. 386.47.18-б, л. 2). Отнюдь не претендуя на выполнение подобной задачи, «Антология» Шюзевиля построена с явным учетом этой мысли Брюсова. Та же мысль лежит и в основе предисловия к ней.

Брюсов строит свое предисловие, исходя из созданной им концепции развития русского символизма, который уже в середине 1900-х годов «нерстал быть однородной группой» (там же, л. 2), — концепции, которой он намеревался посвятить незаконченную статью «Опыт о современной русской поэзии» (ГБЛ, ф. 386.37.5, л. 15—20). Однако, учитывая стоящую перед ним цель — дать читателю-иностранцу элементарное представление о поэтах, чье творчество предложено его вниманию, Брюсов ограничивает себя одной задачей: выявить в их творчестве лишь «истинно ценное». Поэтому он сознательно обходит все противоречия и срывы, все «случайное и уродливо-лишнее» как внутри символизма в целом, так и в творчестве отдельных его представителей.

Брюсов написал предисловие по-русски; на французский язык его перевел, по видимому, Шюзевиль. На титульном листе «Антологии» имя Брюсова не указано; оно стоит только под текстом предисловия (там же поставлена дата: «1912»). Публикуется по беловому автографу, текст которого почти полностью соответствует французскому переводу (ГБЛ, ф. 386.40.27, л. 1—4; дата: «1911»).

После блестящего расцвета русской лирики в начале XIX века, — расцвета, связанного преимущественно с именем Пушкина и поэтов его «плеяды», — лирическая сила в русской литературе как бы ослабела. Вскоре по смерти Пушкина падучим метеором проблестела краткая деятельность Лермонтова (1838—1841 г.). К 50-м годам относится лучшая пора творчества Тютчева, лирика поразительно глубокого и утонченного, поэзия которого, однако, не нашла себе отголоска в широких кругах русского общества, в те годы решительно чуждого интересов искусства, и не создала своей школы. Позднее еще раздавались проникновенные песни Фета, и еще звучали, часто прекрасные, вдохновения Майкова, А. Толстого, Полонского и глубокие раздумья ученика Фета, философа Вл. Соловьева, — но они были одинокими и как бы терялись в пустоте. С 80-х годов прошлого века в русской лирике наступает глубокий упадок; стихами никто не интересуется; поэты того времени теряют даже умение владеть формой; у читателей некоторым успехом пользуются самые плоские, самые наивные повторения общих мест, изложенных в стихотворной форме.

Своим возрождением в 90-х годах русская лирика обязана отчасти обращением молодых поэтов этих дней к старым, забытым образцам, особенно к Пушкину и к Тютчеву, отчасти внимательным изучением новой поэзии Западной Европы, особенно Англии и Франции. Ознакомившись с поэзией английских прерафаэлитов и первых французских символистов, молодые русские поэты попытались перенести их завоевания в области идей и в области стиха в свою родную литературу. Они попытались расширить круг тем, разрабатываемых поэзией, затронуть те вопросы, которых их предшественники не смели касаться в стихах, усложнить и утончить русский стих, чтобы дать ему возможность выражать самые сложные и самые тонкие ощущения.

Первыми пионерами на этом пути выступил кружок поэтов, группировавшихся вокруг журнала «Северный вестник», — Д. Мережковский, Н. Минский, г-жа З. Гиппиус и Ф. Сологуб. Д. Мережковский один из первых в русской литературе заговорил о Верлене, дал несколько прекрасных переводов Эдгара По, в своих стихах, безукоризненно сделанных, вдохновился идеями Ницше. Тому же Мережковскому Россия многим обязана в возрождении культа Пушкина. Н. Минский, автор вдумчивых поэм, переводил Метерлинка и, обладая умом философским, развивал в своих статьях новое миросозерцание, дававшее самодовлеющее значение эстетике. Изысканные, изысканные стихи г-жи Гиппиус отражали ее глубокую и вполне современную душу, исполненную непримиримых противоречий. Сильный и строгий поэт, Сологуб, давший также ряд прекрасных переводов (из) Верлена, воплотил в своих стихах темное начало жизни, написал гимны Греха и Смерти.

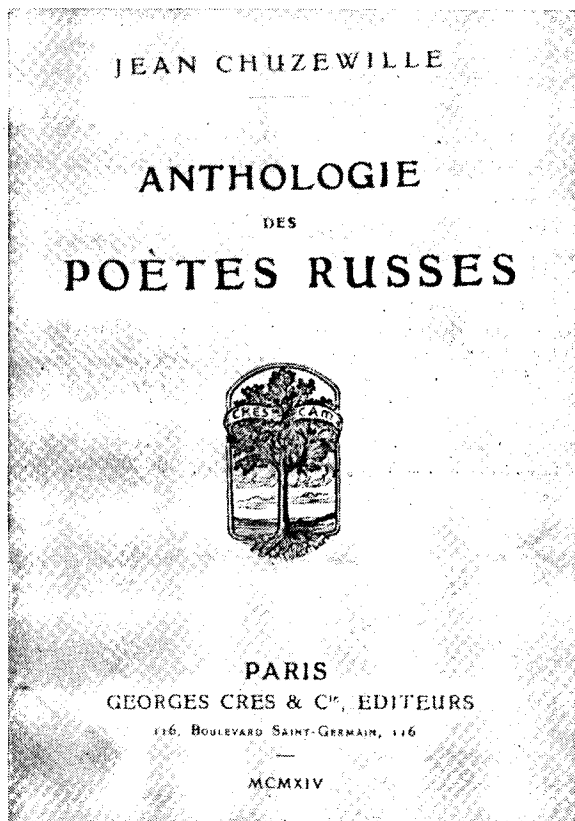
Несколькими годами позже выступили писатели, сгруппировавшиеся вокруг московского книгоиздательства «Скорпион» и издававшегося им журнала «Весь». Руководителями этой группы обыкновенно называют К. Бальмонта и пишущего эти строки. К. Бальмонт воспитался преимущественно на поэтах английских; он подарил русской литературе совершенные переводы Шелли и Эдгара По. В своих собственных поэмах он достиг еще небывалой в русской лирике мелодичности. Поэт оттенков, он чарует читателей музыкой своего стиха и кажется волшебником Орфеем, заставляющим своей лирой двигаться камни. Поэт мимолетного, он сумел запечатлеть в своих строфах самые тонкие, едва уловимые переживания современной души. Что до пишущего эти строки, то, предоставляя другим оценивать его деятельность как поэта, он считает возможным здесь сказать, что немало работал над ознакомлением русских читателей с новыми французскими поэтами. Им изданы отдельными книгами переводы Верлена, Верхарна, Метерлинка и особый том, посвященный всем новым французским поэтам. Им написан также ряд теоретических статей, в которых он исходит от многозначительной идеи Ст. Малларме о символе.

Несколько позже к той же группе примкнули А. Белый и А. Блок. Они внесли в русскую лирику новое веянье — веянье мистицизма. В задумчивых стихах А. Блока о «Прекрасной Даме» и в огненных, несколько беспорядочных, но ослепляющих стихах исключительного верлибриста А. Белого — выразилась тоска по вечному. Стихи А. Белого замечательны еще по совершенно свежему словарю, который пользуется поэт, смело создающий неологизмы и воскрешающий забытое значение слов.

Отдельно стоит Вяч. Иванов, выступивший в литературе сравнительно поздно, уже не молодым человеком. Обладая энциклопедическими познаниями, замечательный знаток античного мира, он принес в литературу силу и зоркость ума глубокого и опытного. Это не мешает его поэмам быть исполненными страсти, а самому поэту — быть смелым новатором в области стихосложения. В творчестве Вяч. Иванова веет дух зрелой мудрости, крепкой воли и нестареющего юношеского увлечения.

«АНТОЛОГИЯ РУССКИХ
ПОЭТОВ». ПАРИЖ, 1914

С предисловием Брюсова
Титульный лист

Еще более в стороне от литературного движения стоял И. Анненский, также преданный античному миру, профессор Петербургского университета¹. Его поэзию оценили лишь после его смерти (1910 г.). Это — поэт-импрессионист, стихи которого ближе всего подходят к поэмам «Jadis et Naguère» Верлена. Анненский также много переводил Верлена и других французских поэтов.

Более молодое поколение, частью по возрасту, частью по году выступления в литературе, образуют — Кузмин, М. Волошин, Н. Гумилев, А. Толстой. Кузмин, напитанный духом французского XVIII века, — поэт изысканных поэм, немного жеманных, но иногда и очаровательных по своей намеренной простоте. М. Волошин, отправляющийся преимущественно от поэзии парнасцев, любит создания строгие, законченные, несколько холодные, но часто похожие на обдуманые комбинации драгоценных камней. Н. Гумилев — поэт зрительных картин, может быть, не всегда умеющий сказать новое и неожиданное, но всегда умеющий избежать в своих стихах недостатков. А. Толстой вдохновляется русской родной стариной и воссоздает, в новой форме, народные песни и сказания².

Перечисленными поэтами, конечно, не ограничивается круг русских лириков конца XIX и начала XX века. Много других имен могли бы найти себе по праву место рядом с названными. Оживление интереса к поэзии, новые завоевания в области стихотворной техники вызвали к деятельности громадное число молодых поэтов, из которых многие так или иначе оставили свой след в истории поэзии или хотя бы в истории русского стиха. Не всегда объединенные в одну группу, часто распадаясь на враждующие между собой школы, они все же образовывали единое, общее течение, которое

вновь подняло значение русской лирики, поставило ее в уровень с лирикой других стран. И в настоящее время, оглядываясь на этот период, который можно считать уже завершившимся, все участники этого движения могут сказать, что они сделали свое дело: они вновь заставили своих современников читать стихи; они вернули поэзии ее высокое назначение и вновь потребовали от поэта, чтобы он был не милым рассказчиком никому уже не нужных пустяков, но глашатаем и открывателем новых истин, тех, которых страстно ищет душа современного человека.

1911

¹ Неточность: И. Ф. Анненский не был профессором Петербургского университета; он преподавал на петербургских Высших женских курсах и был директором Царскосельской гимназии.

² В 1911 г. вышел сборник стихов А. Н. Толстого «За синими реками», целиком посвященный разработке мотивов народного творчества. Брюсов высоко оценил эту книгу («Новые сборники стихов» — *РМ*, 1911, № 2); стихи из нее Шюзевиц включил в свою «Антологию». Об отношении Брюсова к творчеству других молодых поэтов, отмеченных им в публикуемом предисловии, см. наст. том, стр. 205—209.